10.15593/perm.kipf/2020.1.03

УДК 908:259

ПАСТЫРИ И ПАСТВА: КОНФЛИКТЫ В ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ПРИХОДАХ ЗАПАДНОГО УРАЛА НА РУБЕЖЕ 30-Х ГОДОВ XX ВЕКА

А.И. Казанков

Пермский государственный институт культуры, Пермь, Россия

О СТАТЬЕ

Получена: 20 января 2020 г.
Принята: 20 марта 2020 г.
Опубликована: 31 марта 2020 г.

Ключевые слова:

православная церковь, православный приход, конфликт, советская деревня, коллективизация, чудо, храм, репрессии против духовенства.

АННОТАЦИЯ

В статье представлен анализ внутренних конфликтов, происходивших в сельских приходах на территории современного Пермского края (преимущественно в Кунгурском районе) на рубеже 1930-х годов. Конфликт рассматривается как событие, позволяющее увидеть структуру локальных церковных общин и обстановку вокруг них, выявить сталкивающиеся интересы, определить характер распределения властных ресурсов и проследить основное направление эволюции православных приходов.

В качестве отправной точки автор избирает распространенный в литературе тезис о расцвете внутриприходской демократии в 1920-е годы в СССР и прослеживает те перемены, которые происходили в церковных общинах на фоне колоссального по масштабам изменения повседневной жизни уральской деревни в годы коллективизации.

Анализ самой простой и повсеместно распространенной формы конфликтов внутри прихода – столкновения меркантильных интересов – уже позволяет увидеть, что характер отношений определяется не только общиной верующих и церковного актива (пастыри) с настоятелем деревенского храма (пастырем). В столкновениях по поводу церковной кассы и имущества, размеров содержания священника и т.п. оказываются вовлечены местные советские органы, милиция, архиереи, органы НКВД. И чаще всего последнее слово оказывалось именно за ними.

Конфликты другого типа, как бы они ни выглядели на поверхности: как противостояние приходского актива и пастыря, как оппозиция благодатных священников и безблагодатных, как взаимные претензии церковных иерархов и рядовых батюшек или мирян, выражают сущностное, фундаментальное противоречие двух жизненных миров – традиционной церковной общины прихода и антицерковной общины колхоза.

Источниковой базой работы выступают материалы архивно-следственных дел, хранящиеся в фондах Пермского государственного архива социально-политической истории (ПермГАСПИ).

© ПНИПУ

© Казанков Александр Игоревич – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологи и философии, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6647-5047>, e-mail: tokugava2005@rambler.ru.

© Alexander I. Kazankov – PhD, Associate Professor, Department of Cultural Science and Philosophy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6647-5047>, e-mail: tokugava2005@rambler.ru.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

PASTORS AND FLOCK: CONFLICTS IN PROVINCIAL PARISHES OF THE WESTERN URAL AT THE TURN OF THE 30S OF THE TWENTIETH CENTURY

Alexander I. Kazankov

Perm State Institute of Culture, Perm, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 20 January 2020

Accepted: 20 March 2020

Published: 31 March 2019

Keywords:

orthodox Church, orthodox parish, conflict, soviet village, collectivization, miracle, temple, repressions against the clergy.

ABSTRACT

The analysis of internal conflicts taking place in rural parishes on the territory of the modern Perm Krai (mainly in Kungur District) at the turn of the 1930s has been presented in the article. The conflict is considered as the event which makes possible to see the structure of local church communities and the situation around them, to identify conflicting interests, to determine the nature of power resources distribution and to trace the main direction of the Orthodox parishes' evolution.

As a starting point the author selects the prevalent in literature thesis about the flourishing within parish democracy which took place in the USSR in the 1920s, and traces the modification taking place in church communities against the background of a colossal in scale change in the daily life of the Ural village during the years of collectivization.

The analysis of the simplest and most widespread form of conflict within the parish – a clash of mercantile interests – has already made possible to see that the nature of the conflicts is determined not only by the relations of believers community and the church asset (flock) with the rector of the village church (pastor). In clashes over the box office and property, the priest maintenance costs, etc. local Soviet bodies, police, bishops, and NKVD bodies were involved. And most often the last word turned out to be just theirs.

Conflicts of a different type, no matter how they looked superficially, such as a confrontation between a parish asset and a pastor, as an opposition between gracious priests and graceless, as mutual claims of church hierarchs and ordinary priests or lay people, express the essential, fundamental contradiction of two worlds of life – the traditional church community of the parish and the anti-church community of the collective farm.

The materials of archival and investigative files stored in the funds of the Perm State Archive of Socio-Political History (Perm GASPI) have become the basis for this work.

© PNRPU

Пожилой кунгурский портной Меркурий Петрович Уткин, усердный прихожанин и певчий на клиросе, *лично* наблюдал, как в 1933 году церковь покидала благодать: «Облачко ушло из Успенского собора» [1]. Любопытно, что уходящая благодать скорее напоминала *сфумато* эпохи Возрождения, чем сияющую золотом *харизму* византийской иконописи.

Видение Меркурия Петровича, разумеется, может быть подвергнуто обоснованной критике. В самом деле, существовало ли это «облачко» в действительности? Даже если над Успенским собором г. Кунгура и проплывало в 1933 году некое облачко, стоило ли считать его «уходящей благодатью»? К тому же, знаем мы о происшедшем не со слов самого Уткина – о нем поведал оперуполномоченному УНКВД по Свердловской области Н.И. Николаеву о. Антоний (Воскресенский). А не искажил ли оперативник 3-го отделения СПО¹ показания священника? Имеет ли вообще исследователь право принимать во внимание подобные свидетельства?

Ответ на этот весьма уместный вопрос позволит автору, во-первых, определить методологию, которая будет применяться в дальнейшем, а во-вторых, обозначить интересующий его предмет.

Повседневная жизнь людей, рутинные практики их «трудов и дней» неизбежно являются миром осмысленного опыта. Осмысленного не рефлексивно (что предполагает ясность и отчетливость представлений), а скорее на уровне расхожих стереотипов, «привычек сознания», всего того, что относится к определенному типу интересубъективной ментальности. Абстрагироваться исследователю повседневности от этого опыта невозможно, так как без него непонятно, почему

¹ Секретно-политический отдел.

люди совершают данные (а не иные) поступки, говорят именно такие речи, вступают в те, а не эти отношения. Но ментальность «экранирована» от внешнего наблюдения, а некоторые ее элементы – например *религиозный опыт*, – в принципе не поддаются верификации.

В таком случае уместнее всего придерживаться феноменологической установки. Прежде всего, она не предполагает уточнения онтологического статуса интенционального объекта сознания (феномена): воображаемое «облачко»² в этом смысле столь же действительно, как и реальное. Далее, она требует, чтобы обнаруживаемый в высказывании смысл феномена рассматривался как факт – поскольку никаким другим образом он дан быть не может. Это означает, в нашем случае, что если в видении кунгурского портного «облачко» означало уходящую благодать, то именно так оно и должно быть понято. То, что феномен здесь толкуется хотя и со слов самого визионера, но другим человеком, даже хорошо – следовательно, уткинское «облачко» уже прочно обосновалось в коллективных представлениях участников некой малой публичности.

А вот, собственно, и само толкование (здесь и далее будет сохранена орфография и пунктуация оригинала – *А.К.*): «Начали разрешать разводы направо-налево, дак благодать божия ушла из собора» [1]. Сообщив это, о. Антоний (Воскресенский) прямо указал на кунгурского епископа Иоанникия (Чанцева) в связи с казусом протоиерея о. Иоанна (Котельникова), о котором автору уже приходилось писать [2]. Вот тут-то как раз дымка-сфумато рассеивается, и смысл «уходящего облачка» становится кристально ясным: оно является лишь визуальной проекцией конфликтов, которые буквально «раздирали» многие провинциальные приходы Западного Урала в последние годы 20-х и первые годы 30-х годов XX века. Та же ситуация, но изложенная казенным языком самим епископом Иоанникием в записке благочинному о. Александру (Калагиреву), выглядит так: «Благочинный 6-го окр[уга]. Кунгурского викар[атства] в своем рапорте на мое имя от 6/XII с/г за № 155-м пишет, что почти все приходы Кунгурского викар. охватило волнение: пастырей считают безблагодатными, прихожане избегают принимать от них благословение, называют священников неприличными именами, даже самые церкви обносят неприличными словами и т.п. Считаю такую оценку настроения для всех приходов викар. несоответствующей истине и не обоснованной, предлагается Вам опросить вверенные Вам приходы через церковные советы в форме постановлений, из которых было бы видно, какое настроение церковной жизни имеется в каждом приходе, какое отношение в данном приходе существует к своему приходскому пастырю, а так же и к своему правящему Епископу» [3].

Именно анализу внутрприходских конфликтов, причем увиденных глазами их непосредственных участников, и будет посвящена эта работа.

О научной актуальности исследований православного церковного прихода в России как фундаментальной, «корневой» религиозной институции сказано достаточно [4]. Однако его сложная и довольно драматическая история в советский период освещена пока довольно скромно – главным образом потому, что приходская жизнь обычно не оставляла следов в виде документальных свидетельств. Особенно если учесть, что подавляющее большинство приходов были сельскими.

Пожалуй, самой интересной (прежде всего – в концептуальном отношении) работой, посвященной исторической реконструкции православной приходской жизни в раннесоветское время, является публикация Грегори Л. Фриза [5]. Заявленное в ней намерение сместить фокус с церковной иерархии на жизнь простых верующих («перенести фокус с генералов на рядовых» [5, с. 88]) вызывает самое искреннее одобрение автора, поскольку полностью соответ-

² В показаниях о. Антония (Воскресенского) сказано буквально «якобы показавшееся ему видение».

ствуется его исследовательской программе. Безусловно, заслуживает внимания аргументация главного тезиса: сокрушительный удар по Церкви (именно так, с большой буквы – *А.К.*), нанесенный большевиками, привел в 20-х годах XX века к небывалому оживлению приходской жизни, росту влияния общин верующих, т.е. церкви как *ἐκκλησία*. В церковной жизни произошли позитивные перемены: приходы избавились от малограмотных и «морально запятнанных» дьяконов и псаломщиков, епископат фактически утратил контроль над назначением священников, финансовые и имущественные вопросы находились под контролем церковного актива.

Соглашаясь в целом с выводом о «приходском ренессансе» в 1920-х годах (так, например, крах обновленческого проекта действительно можно считать результатом активности рядовых верующих), обратим внимание на один из тезисов Грегори Л. Фриза. Буквально «раздав гадину» в первые годы, советские и партийные органы непреднамеренно спровоцировали в дальнейшем религиозный подъем, который в свою очередь привел... к росту авторитета Церкви (с большой буквы – *А.К.*). Здесь явно присутствует некоторая недоговоренность. В тексте нет ответа на интересный вопрос: на чем бы мог основываться рост авторитета безвластного епископата и священников, низведенных до роли «приходских содержанок»?³

Возможно, этот вопрос остался без ответа из-за специфики источников. К сожалению, Г. Фриз дает «слепые» ссылки, позволяющие ориентироваться только на названия архивов и фондов. Цитируются документы из центральных архивов (фонды ЦК КПСС, ЦК КПУ, харьковского⁴ Епархиального обновленческого совета). Из региональных архивов представлен только Государственный архив Житомирской области (ДАЖО) – использованы фонды различных советских учреждений (губкомов, окркомов, райисполкомов, окрисполкомов). Кроме того, в тексте упомянуты рапорты из органов ОГПУ. Так или иначе, ни один из этих документов не вышел из среды самих прихожан, все они представляют «внешнюю» точку зрения.

И, наконец, обратим внимание на то, что сам Грегори Л. Фриз в завершающем кратком разделе «Великий перелом на религиозном фронте» [5, с. 103] говорит о значительности перемен, происшедших на рубеже 1930-х годов. Но дело не только в том, что, осознав подлинную народность оснований религиозного подъема, власть от точечных репрессий против «контрреволюционного духовенства» перешла к «квадратно-гнездовому» методу выкорчевывания церковной контрреволюции. Перенесение фокуса внимания с «генералов на рядовых» позволяет заметить ряд глубинных, почти тектонических сдвигов, поколебавших саму почву повседневной жизни, выражением которых и стали внутприходские конфликты.

Конфликт всегда интересен тем, что он, подобно вспышке фотографического блика, моментально освещает и фиксирует сложившуюся систему отношений, позволяет увидеть позиции сторон, статусы участников, пускаемые в дело ресурсы (материальные, властные, символические) – именно то, что Н. Элиас когда-то предложил определить как «социальную фигурацию» [6].

Привлекая материалы архивно-следственных дел, заведенных органами ОГПУ – НКВД в период с 1932 по 1935 год, хранящихся в фондах Пермского государственного архива социально-политической истории, автор статьи попытается реконструировать обстоятельства, порождавшие локальные коллизии, выяснить основные векторы напряженности, определить стороны конфликтов (участников столкновений), очертить их динамику. При этом не следует ожидать, что картина будет исчерпывающей и полной. Имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства не позволяют на это даже надеяться – тем ценнее оказывается каждое из них.

³ Используемое определение является авторским, не связанным с соответствующей социальной группой в привычном восприятии. Тезис имеет отношение к принципам правообладания и финансирования храмов с учетом полномочий приходских советов и духовенства. Ниже автор аргументирует свою позицию (Прим. научного редактора).

⁴ Столицей советской Украины в это время являлся г. Харьков.

«...Он бездетный, и не просит нас об уплате налогов»

Существование особенного *денежного фетишизма* давно не вызывает сомнений у исследователей. Деньгам приписывается целый ряд чувственно-сверхчувственных качеств: они имеют вес («легкие деньги»), возраст («старые деньги»), гигиенические характеристики («грязные деньги»). У них есть явные стремления («деньги идут к деньгам») и любовные предпочтения («денежка счет любит»). Но, главное, эти коварные создания, приходящие к человеку только для того, чтобы его покинуть, способны порождать ссоры и споры в неограниченном количестве.

Меркантильные (денежные, реже – имущественные) дразги внутри и около церковного прихода (если, конечно, они не переплетены с иными противоречиями) представляли собой самый простой и очевидный тип конфликтов. Вот, например, крестьянин-единоличник В.И. Волокитин в своем заявлении в органы НКВД довольно сбивчиво и безграмотно повествует о своей борьбе со священником Рассказчиковым, начавшейся в 1933 году. Заметим, поскольку это важно для понимания текста, что на момент ареста (осенью 1935 года) В.И. Волокитин являлся церковным старостой в селе Юго-Осокино⁵, а в момент составления заявления содержался в тюрьме г. Кунгура: «... Чтобы не стали хлопотать за Раскашикова передъ Епископом Владимиромъ⁶ Конгурскимъ виду его нехорошего поведения как пьяницы и форменного вора замеченаго мною въ деньгахъ искасы 3 руб. И оздаче ризъ сиконы Царьдавыда и Николая Чудотворца во время перевыборовъ церковного совета по разрешению сель совета и больницы (так в тексте – А.К.) перевыборы были на пасхе во время перевыборовъ я Раскашикова обличалъ воромъ и пьяницей передъ всемъ приходомъ потому что Рскашиковъ не имелъ некакова права здавать ризы в Второксинъ и расхищать церковное имущество безъ разрешения Рика потому что опись была зделана Риком. И церковный советъ тоже не имелъ права безъ разрешения потому что имущество считается государственнымъ во время перевыборовъ Раскашиковъ на слова мои не ответил перед приходомъ совмесно со старостой единого слова» [7].

Мы застаем юго-осокинский приход в момент маленькой внутренней революции – на Пасху назначены перевыборы церковного совета. В.И. Волокитин ведет успешную предвыборную кампанию, обличая перед всей общиной батюшку – пьяницу и вора. Он обвиняет его в том, что Рассказчиков, помимо всего прочего, сдал в торгсин серебряные оклады икон, и делает акцент на том, что они описаны РИКом (Районным исполнительным комитетом) как государственная собственность. Сторонники скомпрометированного священника – бывший церковный староста Горбунов и некто Вялых потерпели на выборах сокрушительное поражение, после чего последовала драматическая сцена передачи имущества: «Подошли кассе Горбуновъ ключи бросил и здавать не хотел. Сказалъ хотя бы мне за труды дали на поллитра ему дали денегъ и он тогда показалъ воск и свечи воску и свечъ было 72 фун. И одалъ ключи но я предупредилъ чтобы воск несли Кочергину или Калагиреву онъ сказалъ что на примете есть у женщины но воскъ оказался церковный который покупалъ Кочергинъ И. Ем. глыбу весомъ около 32 ф. у какой то женщины» [7].

Таким образом, бывший староста отказался сдавать кассу и даже потребовал отступного – и, как ни странно, получил его. Видимо, тут он был «в своем праве». Передав воск, он терял источник дохода: «Горбунов торговалъ воском и свечами при выходе из церкви

⁵ В настоящее время – с. Калинино Кунгурского района (с 1952 г.).

⁶ Епископ Владимир (Горьковский) был назначен в Кунгурский викариат после смерти Иоанникия (Чанцева), в августе 1933 г.

тут ихний друг Александръ Петровичъ Росихинъ задал мне угрозу при всехъ что смотри Волокитинъ ты советцкихъ законовъ не знаешь. А Раскащиковъ законы знаетъ поетому мы тебе шетину воском. Но я етого не боялся виду ихнихъ проделокъ которые они зделали противъ власти здавали казенные вещи которыхъ и поописи нехватало дискисы 37 зол. под-свечники и ковры. Иконы были записанные съ щетом но ризы не упомянуты на иконахъ. Осталась одна риза серебряная Михайла Архангела. Обетом было донесено Епископу Владимиру и Раскащикова онъ перевелъ въ село Биркутово⁷. И онъ тамъ залесъ в касу. Его у касы поймали и прогнали. Обетом донесли Епископу накануне девятой [пятницы⁸] после этого онъ сталъ жить Вюгоосокине» [7].

Картинка сложилась, и выглядит она примерно так: община верующих, возглавляемая активными прихожанами, устраняет «морально запятнанного попа» (точно по Грегори Л. Фризу) попа, и переизбирает его «карманный», столь же запятнанный церковный совет. Одним из главных мотивов выступает борьба с расхищением церковного имущества. Вместе с тем видны несколько интересных деталей, к которым стоит приглядеться попристальней. Судьбу священника, хотя и по донесению прихожан, все-таки решил архиерей. Причем, несмотря на все финансовые шалости Рассказчикова, он не запретил его в служении, а перевел в другой приход. Он же назначил нового священника – им стал, кстати, тот самый благочинный о. Александр (Калагирев): «Тогда стали просить другого священника дали Калагирева. Онъ служил полтара года» [7]. Запрет же последовал по сугубо церковным основаниям: «Раскасчиковъ былъ запрещенъ за неправильное винчанее свадебъ венчалъ почти братьевъ сестрами и не исполнилось совершенного возраста. Раскащиковъ сталъ хлопотать передъ Епископом с подписанными ложными руками вто время когда подписывалсь руки токо было не больше 30 рукъ но оказалось подано 350 рукъ. Остальные руки ложны» [7].

Оказывается, батюшка не брезговал и подлогами. После запрещения Рассказчиков ездил хлопотать сначала в г. Пермь, затем в г. Свердловск: «Из Перми онъ ездилъ въ Свердловскъ к епископу ему былъ данъ документъ нехоршей ему тамъ места не дали и он изъ Свердловска приехалъ обратно на кануне Михайлова дня» [7].

Добавим: он еще занимался вымогательством, шантажируя прихожан закрытием церкви (у нас еще будет возможность увидеть подобные практики).

«И завсегда Раскащиковъ с авона просил о платежахъ налоговъ у прихода и предупреждалъ приходу что не сильно⁹ но добровольно если не заплатите налогъ так у васъ церкву прикроють» [7].

Его история имела продолжение – тоже небезынтересное. По-видимому, в определенный момент Рассказчиков пришел к выводу, что терять ему уже нечего и снова ограбил церковную кассу в Юго-Осокино, но при этом попался.

«27 сентября 1934 года ворвался въ церкву своимъ ключомъ и украл у сторожихи въ кассе 23 рубля денег при выходе въ калидоре сторожихе попалъ въ стречу она его спросила куда ходилъ въ церкву. Она сказала что церква заперто. Он ей сказалъ что нужно запирать на два замка. В то время прихожане и члены церковнаго совета заявили милиционеру и они на месте осмотра составили Актъ» [7].

В внутриприходской конфликт, таким образом, оказалась втянута милиция – по инициативе общины. Замять дело при помощи взятки не удалось.

⁷ Имеется в виду д. Беркутово Кунгурского района.

⁸ Девятая пятница после Пасхи – локальный христианский религиозный праздник.

⁹ В смысле «не насильно, а добровольно».

«Спустя несколько времени Раскашиковъ Блиновой сторожихе давай сулить 25 руб. Чтобы дело какъ нибудь прекратить но Блинова сказала что я нечево не знаю. А ето Волокитинъ заявляль со членами церковного совета. Тогда Раскашиковъ меня Волокитина увель в сторону отъ народа и сталъ говорить мне что дело у меня хочет быть плохо то нельзя ли ето дело какъ вам и церковному совету прикратить возьмите сменя 100 руб. А дело какъ небудь прекратите. И я постараюсь. Но я ему сказал что дело теперь на наше. А ты мне и такъ должень 161 руб. да еще и вы обещаете мне 100 руб. Где денги брать станете» [7].

У автора статьи нет окончательного мнения по поводу того, отверг ли церковный староста В.И. Волокитин взятку по принципиальным соображениям, или просто потому, что составленный милиционером акт уже ушел к районному начальству. А может быть, все дело в том, что он сомневался в платежеспособности Рассказчикова? Параллельно велись хлопоты в руководстве епархии, на которые тоже стоит обратить внимание.

«За воровство денегъ въ касе ездили Росихин Александръ Горбуновъ и Раскашиковъ. В то время не стало серебряной ризы с иконы видимо ушла въ торогсинъ за крупчаткой подарить епископу. Но епископъ ихъ с подарками прогналъ» [7].

Подчеркнем три детали: 1) уже изгнанный из Юго-Осокино священник все еще имеет в приходе небольшую «группу поддержки», собственную камарилью (Горбунов, Россихин и др.); 2) не договорившись с церковным активом о прекращении дела, Рассказчиков начинает действовать через голову совета и пытается дать взятку епископу... крупчаткой, которая была отвергнута¹⁰; 3) и, наконец, самое интригующее – на приобретение этой крупчатки, судя по всему, был пущен третий (последний) серебряный оклад с икон приходского храма. Это просто не поддается объяснению: казалось бы, церковный совет переизбран, «запятнанный» священник удален, «осталась одна риза серебряная Михайла Архангела» – и вот теперь нет и ее. Остается предположить, что сторонники изгнанного попа в действительности были более многочисленны и влиятельны, чем кажется на первый взгляд.

Но это не самое печальное обстоятельство. Окончательная черта в деле о внутриприходской революции в селе Юго-Осокино будет подведена осенью 1935 года органами НКВД. Благодчинный о. Александр (Калагирев), церковный староста В.И. Волокитин и целый ряд «активных церковников» будут арестованы и обвинены в принадлежности к контрреволюционной церковно-монархической группировке «Истинно-православная церковь». О. Александр даже не дожидаясь вынесения приговора, он скончался от туберкулеза в свердловской тюрьме.

Попытаемся истолковать данный казус. Прежде всего, бросается в глаза то обстоятельство, что (если абстрагироваться от пьянства) конфликт имеет совершенно безыдейную, материальную природу: речь идет о покушении приходского батюшки на небольшие суммы из церковной кассы (3 рубля, 23 рубля), церковную утварь из драгоценных металлов, сбываемую через торгсин – собственно, именно с такой целью эта торговая сеть и создавалась во времена страшного голода 1932–1933 годов. Кроме этого, священник перекладывал на прихожан бремя уплаты налогов. Венчал сомнительные браки – видимо, тоже за деньги. Вокруг священника сформировалась клика приверженцев из церковного совета, приторговывающая воском и свечами. Из церкви пропадали ковры, диски, подсвечники.

Не следует идеализировать прихожан. Иногда они были предельно циничны в своем стремлении минимизировать расходы. Несмотря на то, что случай в селе Ленском на самом деле сложнее, чем свидетельствует источник, на приведенную ниже риторiku стоит обратить внимание.

¹⁰ У автора имеются сведения о том, что архиереи (даже те, которые «из лучших») «барашком в бумажке» отнюдь не пренебрегали: «На днях был я у епископа Аркадия [Ершова – А.К.], надо было развод – и взятка взяла свое. Сначала не согласился, а когда дал 10 р. и развел... Неладно» [8]. Может быть, стоило дать не крупчаткой, а деньгами?

«Егорова за что-то осудили на принудительные работы, на его место к нам в село Ленское приехал свящ. Бердников Ал-др, который потребовал заплатить за него налог. Я и другие воспротивились этому и написали еп. Иоанникию заявлению убрать Бердникова и вернуть Егорова Федора, *так как он бездетный и не просит нас об уплате налогов*. Бердников же подкупил священника Павла, который управлял фактически епархией вместо епископа Иоанникия и последний нас отлучил от церкви, и Бердников огласил нам это отлучение, и мы около года молились в церкви у порога» [9] (выделено мною – А.К.).

По-видимому, для формирования денежных коллизий между общиной верующих и приходским священником последний вовсе не обязательно должен был грабить церковную кассу и распродавать церковное имущество.

Как бы то ни было, конфликт в Юго-Осокино поначалу развивался вполне в духе лозунга «Вся власть приходам!». Но дальше все пошло как-то не так. Прежде всего, из двустороннего он быстро превращается в многосторонний. В поле конфликта оказались вовлечены советские структуры (сельсовет, РИК), правоохранительные и карательные органы (милиция, НКВД), руководство епархии. Факты, которые, как известно, «упрямая вещь», вынуждают признать, что местных архиереев ни в коем случае нельзя назвать безвластными – они сохранили определенные прерогативы и умело их использовали: отлучали прихожан, запрещали в служении, перемещали и назначали священников. Они имели свои меркантильные интересы и шантажировали приходских батюшек, которые, в свою очередь, запугивали паству.

«К деньгам церковным аппетит у епископа все более и более увеличивается. Как только церковь через попа внесет ему 40–50 рублей, он требует еще 70–90 рублей. Мало того, епископ ПЕТР [Савельев – А.К.] стал требовать еще по 20 и более рублей лично с попов, чего, как говорит последний, не было со творения мира. Какому-то попу, при попе села Мазунина – ПАВЛЕ СЕРЕБРЯННИКОВЕ, заявившему епископу, что у него и при церкви нет столько денег, сколько он требует, епископ сказал: «А раз нет мне денег, то я сообщу в РИК о закрытии церкви». От таких слов и на попа, о котором идет речь, нашел столбняк» [10].

Вот так, не изменившись в лице и не дрогнув голосом, епископ (тихоновский, кстати, не обновленческий) Петр Савельев надавил на самое больное место в жизни прихода – пригрозил закрыть храм («церкву», как тогда говорили), требуя все новых и новых рубликов от остолбеневшего священнослужителя. Симметрия этого заявления с вымогательскими угрозами священника Рассказчикова («у вас церкву прикроют») несомненна и вполне предсказуема: шантажист всегда угрожает главным ценностям шантажируемого. «Церква» как раз к ним и относилась.

Завершая истолкование столкновения денежных и имущественных интересов в Юго-Осокинской общине, хотелось бы подчеркнуть: отношения паствы и пастыря более не имели принципиального значения. Ситуативная победа прихожан оказалась временным явлением. Заметно, что их единство весьма относительно, а окончательный итог конфликта был предопределен вмешательством абсолютно преобладающей внешней силы – органов НКВД. С учетом контекста: к 1935 году деревня перенесла раскулачивание, коллективизацию и голодомор, была обезглавлена и обескровлена, это не должно вызывать особого удивления.

«Церковный совет постарался сбыть...»

В биографии о. Михаила (Мамонтова) имеется примечательный эпизод. Еще в бытность дьяком церкви в селе Сая Лысьвенского района он вынужден был сменить место службы под интенсивным давлением местного церковного совета. Попросту говоря, «служителя культа» чуть ли не взащей выдворили из прихода.

Произошло это где-то между 1929-м (поскольку в дьяконы Мамонтова рукополагал еще епископ Аркадий¹¹) и 1932 годом, так как он перебрался из Саи в село Спас-Барда Кунгурского района, «где познакомился с священником д. Морозково ИВАНом КОТЕЛЬНИКОВЫМ¹², подружился с ним и был вполне согласен с его взглядами относительно церковного брака и развода» [11].

Изгнание дьякона разрешило подспудно тлеющий конфликт, в природе которого мы пытаемся разобраться. Несмотря на то, что время невозможно указать точнее, зафиксированный интервал (1929–1932 гг.) удивительно точно и, по-видимому, не случайно совпадает с «великим переломом» в деревне.

Согласно сведениям включенного наблюдателя – осведомителя «Перо», весьма осведомленного (прошу прощения за тавтологию) о положении дел в Кунгурском викариате Пермской епархии, Михаил Мамонтов происходил из мастеровых, начинал псаломщиком, долго прослужил в одном приходе – что было редкостью, отличался примерным поведением и пользовался авторитетом среди прихожан.

«В 1909 году в селе Сая (ныне Саинский сельсовет Лысьвенского района) была построена кунгурской купчихой – АННОЙ ИВАНОВНОЙ КУЗНЕЦОВОЙ церковь, куда на должность псаломщика, по протекции той же КУЗНЕЦОВОЙ, был определен гр-н МАМОНТОВ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Он происходит из мастеровых завода Суксуна, по профессии – медник-самоварник и слесарь. Не захотев работать в мастерской, он ушел на духовную службу, т.к. обладает искусством пения и знаком несколько с регентством.

... В германскую войну был мобилизован, побывал на германском фронте, это дает ему возможность говорить, что он воевал за веру и царя.

... Всему, что учит церковь, верит слепо, фанатично. Ни разу за всю жизнь не брал в руки антирелигиозной книжки. Не прикасается к газетам, считая их греховными» [11].

«В Сае МАМОНТОВ жил около 15 лет и пользовался большим авторитетом среди населения» [12].

Однако при всей своей «моральной незапятнанности» и строгости в вере М. Мамонтов обладал отчетливо сформулированной общественно-политической позицией, которую он не намеревался скрывать:

«Будучи воспитан в строгом православии и монархизме, он на всю свою жизнь остался сторонником монархического строя и фанатично-православным. ... Считает, что единственной законной властью в государстве может быть только самодержавный монарх, помазанный на царство церковью» [11].

“Власть советов не больше – не меньше, как сплошное недоразумение и просуществовать недолго”.

В одно время начал беседовать в церкви между утренней и обедней, пользуясь выходом священника из церкви, о последних временах, пришествии антихриста, причем исполнение пророчества о сем указывал в существующем государственном строе» [11].

Он скептически высказывался о мероприятиях советской власти и коллективизации, а друзья и единомышленники Мамонтова сознательно избегали вступления в колхоз и читали контрреволюционную литературу.

¹¹ «По ходатайству ОВЧИННИКОВА – МАМОНТОВ был рукоположен епископом АРКАДИЕМ в сан диакона» [11]. В 1929 году епископ Аркадий (Ершов) покинул Кунгурскую епархию.

¹² Протоиерей Иван (Котельников) был арестован в декабре 1932 г.

«Мамонтов говорит: “Про сев ничего не знаю, а от мужиков слышал, что рано еще сеять, мы бы и знали, когда нужно начинать сев, но уж воля не наша, раз приказывают сеять, то подчиняемся”».

Облигаций было наложено в Морозково на МАМОНТОВА – пятьсот рублей и он говорит: “Мы негодны, а денежными налогами обкладывают непосильно, вот что обидно”» [13].

«Особенно тесную дружбу он вел с гр. села Сая – МАРАКУЛИНЫМ АНДРЕЕМ ДМИТРИЕВИЧЕМ, единоличник, довольно зажиточный, инвалид гражданской войны. В колхоз не вступает исключительно по религиозным убеждениям. В основу своих религиозных убеждений он кладет не учение церкви, а протоколы СИОНСКИХ МУДРЕЦОВ СЕРГЕЯ НИЛУСА, из которых цитирует наизусть целые страницы. Из разговора с ним можно понять, что все свои взгляды в этом отношении он выработал под непосредственным влиянием МАМОНТОВА и вообще отзывался о нем как о неопровержимом авторитете по вопросам религии. Рассказывал, что оно проводили целые ночи в беседах о конце мира и о пришествии антихриста» [12].

Но и это еще не все. М. Мамонтов хранил боевое оружие и готов был пустить его в ход.

«Ему пришлось там переменить квартиру, которую впоследствии занял тамошний священник. Последний начал перекладывать печь в бане. Узнав об этом, МАМОНТОВ пришел в баню и достал из-за печи пистолет, вполне пригодный для стрельбы. На предложение священника сдать пистолет кому следует или просто бросить в реку, – МАМОНТОВ отвечал: «Я с ним не расстанусь, он мне еще пригодится».

В дальнейшем разговоре пояснил: «Вы не знаете, что может случиться, быть может, он сослужит большую службу не мне одному, а целому селу или даже больше. Времена переменчивы» [12].

Становится понятно, на каких якорях держался авторитет дьякона. Прежде всего – это безукоризненное поведение, традиционализм и строгость «в вопросах веры» (не случайно он был близок с о. Иоанном (Котельниковым)), которая органично сочеталась с монархизмом, неприятием перемен, происходящих в деревне (резонировавшим с настроениями прихожан), и, далее, – умение «отрывать знамения», указывающие на то, что с установлением советской власти в мир пришел антихрист. Именно поэтому он сумел сплотить вокруг себя круг фанатичных приверженцев – «агентов влияния», образовывавших ядро приходской жизни в селе Сая. Именно так охарактеризовал их осведомитель: «К ним по убеждениям примыкали монахини Кунгурского женского монастыря, с заимки Красоты, – ФЕКЛА (она же ВЕРА) РЫЛОВА и МАРИЯ АНДРЕЕВНА ТИМШИНА, последняя из села Ашап, из семьи раскулаченных. ...МАРАКУЛИН А.Д., МАМОНТОВ и указанные выше две монахини по своим политическим убеждениям – ярко контрреволюционным, *представляют из себя одно целое ядро*, ожидающее с нетерпением конца существующей власти, готовое всеми силами вызвать перемену власти (выделено мной – А.К.) [12].

Вглядываясь в открывающуюся «социальную фигурацию», можно различить в ней появление нового субъекта. Рядом с церковной общиной появилась, если угодно, община антицерковная – колхоз, вступившая с ней в конкуренцию. Но не за христианские души, а скорее за крепостные. Это и был тот поистине формационный сдвиг, который разом изменил ситуацию в приходах. Явившись в крестьянский мир, колхоз разрывал повседневное пространство и грозил наступлением последних времен [14].

В антагонистическом противостоянии колхоза и прихода фигура авторитетного пастыря таила угрозу. Заметим, что эта функция в данном случае не обязательно совпадает с фигурой приходского священника. Согласно сообщению осведомителя, приведенному ранее, дьякон

М. Мамонтов наставлял паству, как раз «пользуясь выходом священника из церкви». А в деревне Михайловка Шишмарского сельсовета Кунгурского района, например, роль пастыря и вовсе досталась просто набожному мирянину.

«В процессе коллективизации гр-н Канисев сам не вступая в колхоз, проводил среди населения работу с той целью, чтобы в колхоз не вступать, при этом агитировал, что в колхоз идти – это в равной степени отдаться антихристу и что если вступить в колхоз, то придет антихрист. Такого рода агитацию он проводит и по настоящее время, имея целью развалить колхоз. В результате такой агитации со стороны Канисева у нас в деревне Михайловке организованный в 1930 году [колхоз] развалился, т.е. люди из колхоза ушли и колхоз вновь нам удалось организовать только в 1931 году» [15].

Точно так же в деревне Подавиха колхоз развалился не благодаря, а вопреки приходскому священнику о. Иосифу (Овчинникову) [2]. Настоящим пастырем был о. Иоанн (Котельников), а транслятором его идей стал местный псаломщик Н.Я. Алексеев. Вокруг него реально и сложилось ядро церковной общины, а полемика с «безблагодатным» о. Иосифом является лишь отражением противостояния прихода и колхоза.

Люди, подобные крестьянину Аксентию Канисеву, благодаря своему авторитету буквально излучали опасность для «колхозного строя», а их авторитет, в свою очередь, основывался на этой опасности. Здесь речь шла о конфликте мировоззрений, о войне жизненных миров. Они были готовы идти на материальные жертвы и поступаться меркантильными интересами. В упомянутой выше деревне Михайловке приходской священник о. Августин (Хвостов) за счет церковной кассы и из личных средств поддерживал нуждающихся единоличников, отпуская им немалые суммы: «Я в этом году получил из церковной кассы по разрешению церковного совета 300 руб. и Солина 300 руб., и, кроме этого, ей лично Хвостов давал денег 400 рублей. Эти средства как мною, так и Солиной, были использованы исключительно для восстановления своих единоличных хозяйств, в частности мы с нею приобрели на паях для своих хозяйств одну лошадь» [16].

Но *благодатные пастыри* были опасны и для тех приходов, в которых они служили. Поскольку обладали способностью притягивать к себе внимание карательных органов – как магнит притягивает иголку. За ними тянулся шлейф агентурных разработок, каждого из них «освещал» осведомитель (а часто – и не один). Дело усугублялось тем, что в их церквях – *благодатных церквях* – время от времени случались чудеса. Вот, к примеру, в церкви о. Николая (Крылова) «божьем изволением» происходило самозажигание лампад и явления святых: «... Пошли ночевать в церковь с одной Ан. Яковлевной и Лукерьей блаженной. Зажглась лампада пред Спасом ночью в 4 час. утра. Когда шла посмотреть время и увидела чудо. Подошла служба. Пришел диакон от. Владим. и ему первому прямо рассказала. Он еще сказал: «Ну, слава Богу, у нас еще в церкви благодать есть!». Пошел к старосте В.Ф. и рассказал про старца и лампадку. Тот очень обрадовался и сразу верил от простого сердца и все его домашние и жена плакала. В.Ф. все расспросил и принес четверть масла и велел жечь лампаду неугасимую. Потом узнал благочинный. Приехал к настоятелю от. Ник. и с ним долго говорил вечером. Пришли в церковную сторожку и благочинный по порядку расспрашивал про все. А затем поехали к Архиепископу Аркадию. Но Богу угодно было так, что Епископ не поверил и приписал выдумке.

Благочинный колебался, а настоятель верил, но в тот же день, когда к Владыке уехали, вечером, когда N... шла по церкви, вдруг сверху мелькнула как молния, и выше иконост. пролетел голубь к иконе св. Николая и опять блеск и лампада зажглась вторая. Но в это время свят[ой Никлай]. вышел из пономарьских врат и сказал: «Куда? Не бегай и не бойся». Я остановилась» [17].

Чудеса оказывались обоюдоострым оружием. Они обращались прямо к вере членов общины и... раскалывали приходы на «поверивших» и «не поверивших».

Со стороны власти на чудеса следовала реакция немедленная и острая. Вспоминает епископ Аркадий (Ершов): «В 1928 г. меня вызвал уполномоченный Кунгурского ГПУ по поводу появившейся заметки в местной газете «Искра» о чудесном пении в бывшем Белогорском монастыре. Уполномоченный ГПУ Костин предложил мне съездить на Белую Гору и разоблачить это «чудо». Я отказался на том основании, что не нужно раздувать это дело, оно само собой исчезнет, как исчез слух о чуде (зажигания паникадила) в зав. Бым» [18].

В обстановке кампании по закрытию храмов, сопровождавшей массовую коллективизацию, церковный совет неизбежно оказывался перед неприятной дилеммой: *благодать* либо *«церква»*. И часто поступал так, как в случае с дьяконом М. Мамонтовым.

«После того, как ему было запрещено священником вести эти беседы в церкви, он перенес их из церкви в сторожку, но и из нее был изгнан. Это дало ему повод сравнивать себя с древними пророками, которых среда не понимала и изгоняла. Глубоко убежден в правильности своих убеждений.

Приходской совет постарался сбыть МАМОНТОВА в другой приход...» [11].

Эта полумера могла на время предотвратить закрытие храма. В начале 1930-х годов изгнание из приходской церкви влиятельных клириков или мирян приобретает серийных характер. Если внимательно приглядеться к казусу в селе Ленском, где активные прихожане просили заменить о. Александра (Бердникова) – женатого, на о. Федора (Егорова) – одинокого, то становится ясно, что они руководствовались не только соображениями экономии.

«В это время две женщины – Кузнецова Пелагея из дер. Средней-Мельницы и еще одна, сходили к еп[ископу]. Иоанникию и просили, чтоб я у них служил только временно – до возвращения Егорова, но еп[ископ]. Иоанний все-же утвердил меня в Ленском на постоянную службу. Егоров шлет своим приверженцам письма и они, подогреваемые, идут в село Беляевку, Ординского района, к бывшему в то время там иерею – Ивану Котельникову, и по возвращении оттуда, подсылают ко мне верующего – Максима Ильича (из села Ленского) с вопросом – венчал ли я бракоразводные браки, я ответил, что по разрешению епископа – венчал. Тогда пошел слух, что я священник без благодати и группа Егорова, подговорив б[ывшего] в то время старосту церкви Кочергину Татьяну, пишет еп[ископу] Иоанникию заявление о том, что: «Мать божия через деву Агриппину (старуха, старая дева, кликуша) наказывает перевести в другое место о. Александра (меня), а в Ленское назначить о. Федора (Егорова).

Заявление было подписано Кочергиной Татьяной, Кочергиным Николаем, Кузнецовыми Пелагеей и Евдокией, Пospelовым Михаилом и еще рядом других и внесены были ряд имен младенцев. Это установил я при расследовании этого дела по поручению епископа, который вызвал Егорова, но тот от участия в этом деле отказался. Епископ мне велел не служить в церкви до тех пор, пока «дева Агриппина» не будет убрана из церкви, где она жила. Я предложил ее удалить церковному совету, в частности Кочергиной Татьяне, но совет отказался это сделать, а я отказался служить. Тогда эта группа собирает в церкви вроде митинга и объявляет безблагодатным епископа Иоанникия» [19].

В деле «Мать божья, дева Агриппина и о. Ф. (Егоров) против епископа Иоанникия», в котором опять таки фигурируют «разведенные браки» и о. Иоанн (Котельников), епископ одерживал убедительную победу. После отлучения группа прихожан вынуждена принести покаяние.

«Припертый к стене епископом, Егоров посылает группу ко мне с покаянием. Пришедшим ко мне – Кочергиной Татьяне, Кузнецовой Татьяне и еще кому-то, я сказал, что в течении полугода они должны посещать только мою церковь и я проверю их раскаяние» [19].

Летом 1934 года из Успенского собора г. Кунгура решили удалить пользовавшегося уважением мирян «народного проповедника» А.А. Дмитриева. За него пробовал вступить уже известный нам визионер Меркурий Уткин.

«Когда епископ Владимир говорил об удалении проповедников из церкви (июль 1934), Уткин М.П. при этом присутствовал и задал Владимиру такой вопрос: «Дак что, слово божье нельзя проповедовать в церкви?» Владимир ответил, что можно, но не всем и не как попало, тогда Уткин сказал: “Если Александра Алексеевича здесь не будет, дак никто к вам в церковь не придет”» [1].

Меркурий Петрович очень точно сформулировал суть происходящего. После выдворения из приходского храма дьякона М. Мамонтова, девы Агриппины, кунгурского мещанина А.А. Дмитриева, священника о. Федора (Егорова), о. Иоанна (Котельникова) и прочих «благодатных пастырей» ситуация менялась необратимо. Слово Божье с какого-то момента могли проповедовать только те, кто получал полномочия непосредственно от ГПУ и делал это «не как попало». Церковь продолжала стоять, в ней совершались службы, висели иконы, с которых никто не крал риз, но из нее словно бы уходила живая душа. Время чудес заканчивалось, и над собором появлялось «облачко» уходящей благодати...

Часть паствы либо следовала за удаленным батюшкой, либо просто разбредалась в тщетной надежде найти то место, где все по-другому и нет колхоза.

«К этому времени группа мою церковь не посещает, а ходит сначала за 6 км в дер. Сухая Речка – к Егорову, а затем в дер. Змеевку, куда он перевелся» [19]. Свой отъезд из Красного Ясыла Солина мотивировала тем, что если ей проживать и дальше, то все равно ей не дадут возможности заниматься единоличным хозяйством, а хозяйство ее ликвидируют, а мне, говорит Солина, в колхоз вступать не только не желательно, но я в колхоз вступать и мучиться в этом колхозе все равно не буду, а там, говорят, в Кунгурском районе еще есть все возможности заниматься единоличным хозяйством, т.е. сеять, пасти и держать скот, и таким образом она в 1935 году из нашего села уехала, а в с. Красный Ясыл свое хозяйство ликвидировала и перевела его в Кунгурский район» [20].

Подведем итог. Анализ внутриприходских конфликтов показывает, насколько серьезную трансформацию испытывала повседневная жизнь провинциальных приходов Западного Урала в эпоху «великого перелома». В среде пастырей и паствы происходил спонтанный процесс внутренней селекции, отделявший тех, кто «не холоден и не горяч», от тех, кто полусознательно, иррационально и обреченно сопротивлялся происходящим переменам. Результаты отбора закреплялись репрессиями, осуществляемыми карательными органами.

Список литературы

1. Протокол допроса обвиняемого Воскресенского А.С. от 19 октября 1935 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Т. 8. Л. 93–98.
2. Казанков А. Микроистория несостоявшегося апокалипсиса: деревня Подавиха и ее обитатели в августе-декабре 1932 года // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2018. – № 1. – С. 275–309.
3. Иоанникий, епископ Кунгурский. 31 декабря 1932 г. № 726. г. Кунгур // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Вещественные доказательства по делу 21183. Л. 75.

4. Приходы и община в современном православии: корневая система российской религиозности/под ред. А. Агаджаняна, К. Русселе. – М.: Весь мир, 2011. – 368 с.
5. Фриз Грегори Л. «Вся власть приходам»: возрождение православия в 1920 гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 3–4 (30). – С. 86–105.
6. Элиас Н. Придворное общество: исследование по социологии короля и придворной аристократии. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 368 с.
7. Заявление Волокитина В.И. оперуполномоченному УНКВД по Свердловской обл. Кушкину В.А. от 25.10.1936 г. // ПермГАСПИ. Ф. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Вещественные доказательства по делу 21183. Л. 261–270.
8. Дневниковая запись священника Егорова А.Ф. от 7 – 8 февраля 1928 г. // ПермГАСПИ. Ф. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Вещественные доказательства по делу 21183. Л. 216
9. Протокол допроса обвиняемой Кузнецовой Е.Д. от 4 ноября 1935 г. // ПермГАСПИ. Ф. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Т. 8. Л. 69–69 об.
10. Агентурный источник «Стрела». Донесение от 26 ноября 1935 г. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6841. Л. 9 а.
11. Агентурный источник «Перо». Донесение от 9 марта 1936 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6841. Л. 15–16.
12. Агентурный источник «Перо». Донесение от 13 мая 1936 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6841. Л. 13 – 14.
13. Агентурный источник «Москвин». Донесение от 27 апреля 1935 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6841. Л. 10.
14. Казанков А.И. У «последних времен»: восприятие времени жителями российской провинции в первой половине XX века //Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2015. – Вып. 4 (33). – С. 294–317.
15. Протокол допроса свидетеля Цирельникова Павла Ивановича от 11 августа 1937 г. // ПермГАСПИ. Ф.641/1. Оп. 1. Д.16935. Л. 38–38 об.
16. Протокол допроса свидетеля Возжаева Н.И. от 31 августа 1937 г. // ПермГАСПИ. Ф.641/1. Оп. 1. Д.16935. Л. 56 об.
17. Запись рассказа Антонины Ходыревой, выполненная о. Федором (Егоровым) около 1927 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Вещественные доказательства по делу 21183. Л. 154–156.
18. Заявление епископа Аркадия (Ершова) в ОСО при НКВД // ПермГАСПИ. Ф. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Вещественные доказательства по делу 21183. Спецконверт. Л. 271.
19. Показания обвиняемого Бердникова А.П. от 16 октября 1935 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Т. 8. Л. 14 – 15.
20. Протокол допроса свидетеля Зеленина Е.Е. от 4 сентября 1937 г. // ПермГАСПИ. Ф.641/1. Оп. 1. Д.16935. Л. 59.

References

1. Protokol doprosa obviniaemogo Voskresenskogo A.S. ot 19 oktiabria 1935 g. [Protocol of interrogation of the accused Voskresensky A.S. October 19, 1935]. *Permskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (PermGASPI)*, f. 643/2, op. 1, d. 21183, t. 8, l. 93–98.
2. Kazankov A. Mikroistoriia nesostoiavshegosia apokalipsisa: derevnia Podavikha i ee obitateli v avguste-dekabre 1932 goda [Microhistory of the failed apocalypse: the village of Podavikha and its inhabitants in August-December 1932]. *Gosudarstvo, Religia, Tserkov' v Rossii i za Rubezhom*. 2018, no. 1, pp. 275–309.
3. Ioannikii, episkop Kungurskii. 31 dekabria 1932 g. № 726. g. Kungur [Ioannic, Bishop of Kungur. December 31, 1932 No. 726. Kungur]. *PermGASPI*, f. 643/2, op. 1, d. 21183. Veshchestvennye dokazatel'stva po delu 21183, l. 75.
4. Prikhody i obshchina v sovremennom pravoslavii: kornevaia sistema rossiiskoi religioznosti [Parishes and the community in modern Orthodoxy: the root system of Russian religiosity]. Ed. A. Agadzhaniana, K. Russele. Moscow, Ves' mir, 2011, 368 p.

5. Friz Gregori L. «Vsia vlast' prikhodam»: vrozozhdenie pravoslaviia v 1920 gg. ["All Power to Parishes": Revival of Orthodoxy in 1920]. *Gosudarstvo, Religiiia, Tserkov' v Rossii i za Rubezhom*. 2012, no. 3–4 (30), pp. 86–105.
6. Elias N. Pridvornoe obshchestvo: issledovanie po sotsiologii korolia i pridvornoi aristokratii [Court Society: A Study on the Sociology of the king and the court aristocracy]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury, 2002, 368 p.
7. Zaiavlenie Volokitina V.I. operupolnomochennomu UNKVD po Sverdlovskoi obl. Kushkinu V.A. ot 25.10.1936 g. [Statement Volokitina V.I. operative officer of the NKVD in the Sverdlovsk region Kushkin V.A. from 10.25.1936]. *PermGASPI*, f. 643/2, op. 1, d. 21183. Veshchestvennye dokazatel'stva po delu 21183, l. 261–270.
8. Dnevnikovaia zapis' sviashchennika Egorova A.F. ot 7 – 8 fevralia 1928 g. [Diary entry of the priest Egorov A.F. from February 7 – 8, 1928]. *PermGASPI*, f. 643/2, op. 1, d. 21183. Veshchestvennye dokazatel'stva po delu 21183, l. 216.
9. Protokol doprosa obviniaemoi Kuznetsovoi E.D. ot 4 noiabria 1935 g. [Protocol of interrogation of the accused Kuznetsova E.D. from November 4, 1935]. *PermGASPI*, f. 643/2, op.1, d. 21183, t. 8, l. 69–69 ob.
10. Agenturnyi istochnik «Strela». Donesenie ot 26 noiabria 1935 g. [Undercover source "Arrow". Report of November 26, 1935]. *PermGASPI*, f. 641/1, op.1, d. 6841, l. 9 a.
11. Agenturnyi istochnik «Pero». Donesenie ot 9 marta 1936 g. [Undercover source "Feather". Report of March 9, 1936]. *PermGASPI*, f. 641/1, op.1, d. 6841, l. 15–16.
12. Agenturnyi istochnik «Pero». Donesenie ot 13 maia 1936 g. [Undercover source "Feather". Report of May 13, 1936]. *PermGASPI*, f. 641/1, op. 1, d. 6841, l. 13 – 14.
13. Agenturnyi istochnik «Moskvin». Donesenie ot 27 apreliia 1935 g. [Undercover source "Moskvin". Report of April 27, 1935]. *PermGASPI*, f. 641/1, op.1, d. 6841, l. 10.
14. Kazankov A.I. U «poslednikh vremen»: vospriatie vremeni zhiteliami rossiiskoi provintsii v pervoi polovine XX veka ["The last times": the perception of time by the inhabitants of the Russian province in the first half of the XX century]. *Gosudarstvo, Religiiia, Tserkov' v Rossii i za Rubezhom*. 2015, iss. 4 (33), pp. 294–317.
15. Protokol doprosa svidetelia Tsirelnikova Pavla Ivanovicha ot 11 avgusta 1937 g. [The protocol of interrogation of witness Tsirelnikov Pavel Ivanovich of August 11, 1937]. *PermGASPI*, f.641/1, op. 1, d.16935, l. 38–38 ob.
16. Protokol doprosa svidetelia Vozzhaeva N.I. ot 31 avgusta 1937 g. [The protocol of the interrogation of witness Vozzhaeva N.I. from August 31, 1937]. *PermGASPI*, f.641/1, op. 1, d.16935, l. 56 ob.
17. Zapis' rasskaza Antoniny Khodyrevoi, vypolnennaia o. Fedorom (Egorovym) okolo 1927 g. [Record of the story of Antonina Khodyreva, made by Fr. Fedor (Egorov) circa 1927]. *PermGASPI*, f. 643/2, op. 1, d. 21183. Veshchestvennye dokazatel'stva po delu 21183, l. 154–156.
18. Zaiavlenie episkopa Arkadiia (Ershova) v OSO pri NKVD [Statement by Bishop Arkady (Ershov) in the CCA at the NKVD]. *PermGASPI*, f. 643/2, op. 1, d. 21183. Veshchestvennye dokazatel'stva po delu 21183. Spetskonvert, l. 271.
19. Pokazaniia obviniaemogo Berdnikova A.P. ot 16 oktiabria 1935 g. [The testimony of the accused Berdnikova A.P. from October 16, 1935]. *PermGASPI*, f. 643/2, op.1, d. 21183, t. 8, l. 14 – 15.
20. Protokol doprosa svidetelia Zelenina E.E. ot 4 sentiabria 1937 g. [Protocol of interrogation of witness Zelenin E.E. from September 4, 1937]. *PermGASPI*, f.641/1, op. 1, d.16935, l. 59.